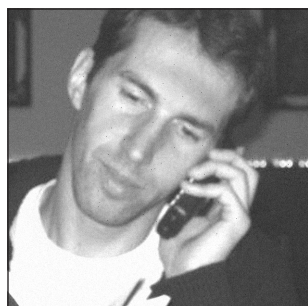

Дж.Э. Мур и обычный взгляд на обычные вещи

Г.С. РОГОНЯН

В статье дан обзор наиболее распространенных на сегодня интерпретаций защиты Дж.Э. Муром здравого смысла. Антискептическая аргументация Мура представлена в свете новых идей эпистемологического минимализма и релейабиллизма. Анализируется, каким образом муровские аргументы и стратегия в целом могут быть использованы против так называемых «новых скептиков». В частности, полемика современных философов относительно осмысленности и природы скептических парадоксов и здравого смысла рассматривается в контексте расширенного понимания противопоставления обычного и необычного в наших высказываниях.

Ключевые слова: *знание, здравый смысл, скептицизм, восприятие, обоснование, достоверность, надежное знание, эпистемологический минимализм.*

1. Современный этап споров относительно философского скептицизма восходит к началу XX в., когда Джордж Э. Мур совместно с Бертраном Расселом бросил вызов доминировавшему тогда в Англии неогегельянству. Несмотря на то что Мур сам во многом был продолжателем линии британского эмпиризма, в дальнейшем мишенью его антискептической критики стал и эмпиризм самого Рассела, поскольку тот

слишком близко подходил к выводам, которые делали скептики и идеалисты. Но, разумеется, главным объектом критики Мура, как и его предшественника в XVIII в. Томаса Рида, был скептицизм Дэвида Юма. Парадоксальные и неприемлемые с позиции реализма и здравого смысла заключения Юма относительно нашего знания так или иначе заявляли о себе в размышлениях современных Муру философов. Поэтому удар необходимо было нанести по самим основаниям скептической тенденции в философии¹. Поскольку влияние Юма было скорее подспудным, Мур обычно не обращался с критикой к работам отдельных философов, а анализировал общие логические предпосылки и способы аргументации, к которым они прибегали.

Обычно Мура представляют как предшественника философии обыденного языка – Мур-предтеча, скромно стоящий на заднем плане за яркой фигурой Л. Витгенштейна и других философов из Кембриджа и Оксфорда 1940–1950-х гг. Именно в таком статусе он часто фигурирует в монографиях о Витгенштейне и проблемах философского скептицизма – как необходимое и полезное предисловие, отправная точка и та основа, которую Витгенштейн «исправил, развил и пошел дальше». В том, что касается попыток Мура противостоять скептицизму, наиболее традиционный и известный упрек Муру (с легкой руки Витгенштейна) заключается в том, что (1) он в принципе признает скептицизм как осмысленную теоретическую позицию, тогда как противостоять надо не позиции скептика, а нашей готовности признать за ней эту легитимность, поскольку философский скептицизм – это не более чем ветряные мельницы, иллюзия и непоследовательность нашего разума². Вместо прямого конструктивного ответа (в виде опровержений или доказательств) необходим теоретический диагноз и терапия обсуждаемых проблем, т.е. лекарство для нашего мышления. Само стремление Мура опровергнуть скептика обусловлено тем, что он разделяет его определенные теоретические предпосылки, в частности представление о том, что знание должно быть безошибочным. Если же сомнения скептика противоречивы и бессмысленны, в силу отсутствия практического контекста, то (2) бессмысленными и оторванными от какого-либо практического контекста будут и те ответы, которые Мур давал в своих статьях. Впрочем, философы до сих пор спорят о том, в чем заключалась защита Муром здравого смысла, в чем суть его доказательства внешнего мира и что именно он хотел доказать. Для многих Мур выглядит странным чудачком, который поднимает сначала одну руку, затем другую, заявляя, что, продемонстрировав существование двух ма-

¹ Moore G.E. Some Main Problems of Philosophy. L. : George, Allen and Unwin, 1953. P. 87–88.

² См. Витгенштейн Л. О достоверности // Л. Витгенштейн. Философские работы ; пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Ч. I. М., 1994; Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «я знаю» // Философия, логика, язык ; общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М., 1987.

ДЖ.Э. МУР И ОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

териальных вещей, он тем самым доказал и существование внешнего мира, причем строго и непротиворечиво. Казалось бы, трудно найти более неуместный с философской точки зрения аргумент, разве что хождение взад-вперед перед Зеноном или удар доктора Джонса ногой по камню. Однако сегодня можно с уверенностью сказать, что эпистемологи все больше интересуются взглядами Мура уже независимо от степени его влияния на Витгенштейна. Философские взгляды Мура перестают рассматривать лишь как музейный экспонат из философского архива. Многие обращаются к его идеям как к плодотворному и перспективному методу решения эпистемологических проблем, часто не вдаваясь в детали «исторической истины» относительно его взглядов, уверенно редактируя их и развивая. В статье представлен один из наиболее распространенных на сегодня способов интерпретации идей Мура – в духе релябилизма и эпистемологического минимализма.

2. Прежде всего здравый смысл, о котором говорил Мур, это не вневременной каркас априорных или врожденных (как у Рида) истин, но и не изменчивая совокупность расхожих и общепринятых мнений. Логика здравого смысла – это логика нашего разума, имеющая эмпирический, а не трансцендентальный характер. Конечно, здравый смысл задает не только то, что может быть правильно сказано, но и то, что мы в принципе можем помыслить. Однако суждения здравого смысла (из известного списка трюизмов в «Защите здравого смысла»³) априорны в ином смысле, нежели кантовские категории: являясь по форме и по содержанию эмпирическими, обладая, следовательно, относительно случайным характером, они, тем не менее, достоверны и выступают в качестве тех необходимых принципов, которые организуют наш опыт – как в научных исследованиях, так и в повседневной жизни. В то же время сами эти суждения обоснованы и подтверждены эмпирически в качестве руководящих принципов. Здравый смысл, как правило, не лжет, потому что опыт не лжет, хотя, как полагает Лайкан, это и не означает, что здравый смысл не может ошибаться или что у него есть иммунитет к научным открытиям⁴. Но обо всех таких ошибках здравого смысла мы опять же узнаем в соответствии с нашим здравым смыслом. К тому же эпистемический статус суждений здравого смысла может меняться в зависимости от ситуации. Например, признание того, что Земля существовала долгое время в прошлом, может быть необходимой предпосылкой и аксиомой для историка, когда он исследует те или иные исторические события, произошедшие на Земле. Однако для геолога или астронома продолжительность существования Земли может быть уже темой исследования, а не безусловной аксиомой. Вообще относительно универсально-го характера муровских трюизмов здравого смысла у философов до

³ Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: становление и развитие ; отв. ред. А.Ф. Грязнов. М., 1998. С. 130–154.

⁴ Lycan W.G. Moore against the New Skeptics // Philosophical Studies. 2001. № 103 (1).

сих пор нет согласия. Лайкан, например, считает открытым вопрос о том, обусловлены ли эти трюизмы культурными особенностями или же они транскультурны. Наконец, образуют ли они нечто вроде «парадигмы» или «концептуальной схемы» нашего мышления?

Однако главный интерес сегодня вызывает даже не сам список, а то, как Мур его «защищал». Мур начинает с того, что существует одно-единственное значение трюизмов здравого смысла и оно понятно каждому. Опровержение истинности какого-либо из этих суждений, как правило, является ошибочным, но вполне допустимым (Земля может оказаться и не центром мироздания). А вот сомнение в нашем знании об истинности суждений здравого смысла будет уже внутренне противоречивым, поскольку речь в этом случае будет идти уже о всем нашем знании как таковом. Признав существование здравого смысла как такового, вы тем самым признаете и истинность всего того, что утверждается в его суждениях, – иначе вы говорите о чем угодно, но не о здравом смысле. Принадлежность убеждения здравому смыслу автоматически предполагает его истинность⁵. Например, когда скептик формулирует свои сомнения относительно того или иного суждения здравого смысла, он уже неявно предполагает истинность каких-то других суждений здравого смысла, на которые он так или иначе опирается. Но даже более того: в качестве исходных аксиом и необходимых предпосылок любой рациональной деятельности эти суждения не только составляют основу общего мировоззрения, но и управляют нашей повседневной языковой деятельностью. Поэтому как только скептик попытается опровергнуть или поставить под сомнение любое из них, он тем самым будет противоречить самой логике того языка, на котором пытается сформулировать свои сомнения, т.е. будет говорить нечто бессмысленное.

Однако все эти аргументы хороши, только если мы заранее считаем в целом точку зрения здравого смысла истинной. Иными словами, мы можем задаться вопросом не о том, что соответствует здравому смыслу, а что нет, а об источниках истинности самого здравого смысла. Ведь скептик оценивает здравый смысл совершенно иначе, нежели Мур, – как нечто относительное и неустойчивое. Действительно, такой ответ Мура скептику может показаться несколько парадоксальным и в конечном счете догматичным. Мур согласен с такой постановкой вопроса: мы действительно знаем об истинности суждений здравого смысла, но мы не всегда знаем, как и откуда мы это знаем, или по крайней мере это достаточно трудно выяснить. Тем не менее это нисколько не мешает нам принять точку зрения здравого смысла, поскольку было бы неправильно и не логично на основании нашей

⁵ «Для всех осуждаемых убеждений... характерна одна особенность: если мы знаем, что они являются частью "мировоззрения здравого смысла", то они истинны; было бы противоречием утверждать, что мы знаем их как убеждения здравого смысла и что они, однако, не являются истинными, поскольку если мы знаем об этом, то это и означает их истинность» (Там же. С. 140–141).

ДЖ.Э. МУР И ОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

неспособности объяснить, как и откуда мы знаем, сомневаться в истинности того, что мы знаем. Но чем тогда суждения здравого смысла отличаются от предрассудков и предубеждений?

3. Аврум Стролл полагает, что платоновская концепция знания как истинного обоснованного мнения явно не устраивала Мура⁶. Только удовлетворив ее требованиям, мы якобы можем достичь знания как такового. Многие усмотрели именно в этих чрезвычайно строгих и завышенных стандартах корень многих скептических сомнений. Некоторые философы до сих пор для того, чтобы спасти положение дел, пытаются пересмотреть эти требования, дополнить их или ввести новые критерии, предъявляемые к обоснованию знания. Однако общим для многих позиций – как в пользу, так и против возможности обоснования знания – часто является сближение знания и логической достоверности, или обоснованности. Достоверность обладает логическим статусом, поскольку через понятие (истинного) знания, с которым она сближается, она напрямую связана с понятием логической истины как результатом логического доказательства. Знание в этом случае обладает, прежде всего, пропозициональным характером. Скептические парадоксы основаны именно на том, что доказательство не просто требует аргументов, но таких аргументов, о чьих посылах достоверно известно, что они истинны. Тогда для доказательства возможности достоверного знания в качестве посылок потребуется как раз то, что требуется доказать в качестве заключения. В результате, мы приходим к логическому кругу.

Мур своим отказом приводить доказательства в пользу своего знания об истинности суждений здравого смысла как раз хочет развеять понятия знания и логической достоверности. Во-первых, вполне в духе современного релятивизма, он устанавливает различие между свидетельствами в пользу истинности суждения и доказательством истинности этого суждения. Знание не обязательно предполагает логическую достоверность, поскольку доказательство и обоснованность с помощью аргументов не являются необходимым условием для нашего истинного знания (о чем, собственно, и свидетельствуют примеры Эдмунда Геттиера⁷). Мы можем знать о чем-либо на основании лишь косвенных свидетельств, т.е., так сказать, не напрямую. Иногда мы и косвенные свидетельства не можем привести в подтверждение собственного знания – мы просто знаем это, но не знаем, как и откуда. Во-вторых, именно знание, утверждает Мур, является необходимым условием для достоверности, а не наоборот: нечто не может быть достоверным, если об этом не знают⁸.

⁶ *Stroll A.* Moore and Wittgenstein on Certainty. Oxford University Press, 1994. P. 22.

⁷ *Геттиер Э.* Является ли знанием истинное обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М., 1998. С. 231–233.

⁸ «... Необходимым условием для истинности “достоверно, что *p*” является то, что кто-нибудь должен знать, что *p* истинно». См.: *Moore G.E.* Philosophical Papers. L., 1959. P. 240.

Отличие употребления слова «достоверный» от употребления слова «истинный» проявляется в том, что некий факт вполне может быть истинным и без того, чтобы об этом кто-либо знал. Однако при этом он не может быть достоверным. Знание и (логическая) достоверность связаны отношением не тождества, а необходимого следования. Есть такое знание, которое не является достоверным и не обязательно должно таковым быть, тем не менее это все-таки знание. Можно даже сказать, что Мур понимает достоверность знания в более широком смысле – как *надежность*.

Суть позиции Мура, по мнению Джона Греко, заключается в том, что мы знаем о существовании внешних вещей не на основании доказательств, а просто воспринимая их. Поэтому скептик не имеет права требовать от нас этих доказательств и Муру достаточно просто «держаться язык за зубами»⁹. Мур, считает Греко, прекрасно понимает, чего хочет и требует скептик, но бросает вызов тем предпосылкам, которые стоят за его требованием. Сравнивая подход Мура с методологией Рида, Греко указывает на общие для них эпистемологические принципы.

(1) Не все из того, что мы знаем, мы знаем с помощью доказательств. Рид считает, что доказательство (демонстративное рассуждение) подобно телескопу, который просто помогает нам видеть больше и дальше, чем позволяют наши глаза. Оно предоставляет возможность расширить наше знание, но мы должны допускать и другие его источники.

(2) Внешние объекты познаются с помощью восприятия, а не доказательства. Восприятие не предполагает какого-либо доказательства и вообще рассуждения, поскольку основывается на чувственном переживании, а не на предшествующих убеждениях в виде посылок. Значит, чувства не могут выступать в качестве посылок для нашего рассуждения. Иными словами, восприятие это не некий вид рассуждения.

(3) Свидетельства чувств не менее надежны, чем демонстративное рассуждение, поэтому в том, что касается достоверности, у аргументов рассуждения нет особого преимущества над свидетельствами восприятия¹⁰. Например, если в пользу нашего знания о том, что мы не спим, говорит чувственный опыт, то неправильно рассматривать этот опыт в качестве возможной посылки в доказательстве, т.е. как обладающей пропозициональным статусом.

С релейабилитской точки зрения достаточно того, чтобы истинное убеждение было результатом таких способностей, которые являются надежными по крайней мере в подходящих для этого условиях. Поэтому восприятие и память ничуть не хуже логического рассуждения. К тому же, как полагает Роберт Брэндом, требование именно надежности нашего знания не противоречит традиционному эвиденциалистскому подходу в эпистемологии. Оно может рассматриваться

⁹ Greco J. How to Reid Moore // *Philosophical Quarterly*. 2002. № 52 (209). P. 546.

¹⁰ Лайкан считает, например, что даже дедуктивно обоснованный аргумент – это не более чем приглашение к сопоставлению (или состязанию в) правдоподобности.

ДЖ.Э. МУР И ОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

как его обобщение, поскольку рассуждение является лишь одним из потенциально надежных источников нашего знания¹¹. В некоторых случаях, например, имеет смысл полагаться только на обоснованные убеждения – это надежнее, поскольку память и восприятие надежны не всегда. Однако критерий надежности всегда имеет приоритет над критерием обоснованности, причем независимо от того, ссылаемся ли мы на эту надежность в качестве основания в пользу нашего знания или даже не подозреваем о ней. Требование строгой обоснованности знания помимо всего прочего бесполезно как для оценки научных достижений, так и для эпистемологии в целом. То, что иногда, в некоторых обстоятельствах мы можем ошибаться, еще не исключает наличия у нас действительно истинного знания и возможности его получения.

Наконец, Эрнест Соса и Лайкан считают, что Мур отказывается разделять со скептиком исходную посылку его аргумента – «принцип исключения», в соответствии с которым знать нечто означает исключить возможность знания об истинности (или, наоборот, с необходимостью знать о ложности) *всего* того, что несовместимо с этим знанием¹². Этого принципа якобы неявно придерживаются все люди, в том числе и философы. Однако это не так, поскольку мы не поступаем *иррационально*, когда считаем, что знаем что-то, но при этом не знаем, что абсолютно *все* альтернативы этому исключены.

4. Исходя из приведенного выше различия между надежностью знания и его обоснованностью, Стролл считает, что стратегия Мура заключается в следующем: настаивать на том, что все мы знаем об истинности суждений здравого смысла, причем с достоверностью, но отказываться приводить какое-либо доказательство в пользу этого знания. «Неаргументативная» стратегия Мура, полагает Стролл, состоит в том, чтобы не выдвигать ожидаемые скептиком традиционные аргументы (обоснование и доказательство) и не опровергать скептика, но оказывать сопротивление его определенным маневрам, не принимая участия в игре, в которой именно скептик диктует свои правила¹³. Что же тогда Мур предлагает взамен?

Для объяснения стратегии Мура Стролл использует образ пирроновского скептика. Скептицизм – это не теория (поскольку он не выдвигает никаких тезисов), а установка, которую можно занять по отношению к любому тезису или заявлению. Тем не менее эта установка является методологически последовательной и предполагает определенные виды аргументации. Скептика заботит не сама возможность знания (этого он не отрицает), а его проблематичный статус –

¹¹ *Brandom R.* Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Harvard: Harvard University Press, 2001. P. 99.

¹² *Sosa E.* Reflective Knowledge in the Best Circles // *Journal of Philosophy.* 1997. № 94 (8). P. 411.

¹³ *Stroll A.* Op. cit. P. 49.

что именно и почему мы должны считать знанием. Например, он не прибегает ни к каким обобщениям, а ждет, когда его оппонент первым сделает этот шаг и выдвинет какой-нибудь тезис. Скептик действует как спарринг-партнер в боксе, поскольку он лишь паразитирует на чужих утверждениях. Причем скептик говорит, что его оппонент всего лишь *может* ошибаться. Утверждение о знании вполне может удовлетворять определенному критерию, но это не гарантирует нам, что он действительно достоверно знает то, что утверждает. Весь наш опыт, все наши переживания и суждения могут соответствовать и взаимно подкреплять друг друга и все-таки не гарантировать соответствия объективной реальности: соответствие критерию не исключает ошибки¹⁴. Очевидно, что скептик использует здесь те возможности, которые предоставляет ему концепция безошибочности знания.

Однако Мур отказывается выдвигать такой критерий и вставить на путь бесконечного регресса в обосновании. Отказом от традиционного диалогового сценария Мур блокирует стратегию скептика на начальной стадии – его игра заканчивается, не успев начаться. Мур просто ставит под сомнение необходимость обосновывать все наши утверждения о знании и тем самым меняется со скептиком местами, перекладывая на него заботу об утверждении чего-либо. Перед скептиком теперь встает дилемма: либо самому сделать первый шаг и заявить, что Мур достоверно не знает того, о чем заявляет в своих суждениях, но тогда (в ответ на молчание Мура) ему самому придется отвечать на предполагаемый вопрос, откуда он об этом *знает*, и со скептическим воздержанием от суждений можно попрощаться; либо ничего не предпринимать и молчать (подобно Муру), но это означало бы просто покинуть поле боя. И то и другое для скептика неприемлемо. Для Мура это не совсем победа, но и не поражение. Впрочем, как и для скептика. Стролл описывает ситуацию как «ничью», хотя «по очкам» победу можно отдать Муру. Ведь главное это то, что не выигрывает скептик, который всегда находится в более выгодном положении. А непоражение от него означает, что мы можем по-прежнему заявлять о своем достоверном знании и об истинности суждений здравого смысла, игнорируя все сомнения и возражения скептика. Это похоже на победу в войне на истощение¹⁵.

Более отчетливо стратегия уклонения представлена в статье «Достоверность»¹⁶, в которой Мур утверждает следующее: поскольку он знает, что сейчас стоит в аудитории, то он знает, что не спит. На возможное замечание скептика о том, что если он не может доказать, что он не спит, то не может знать и того, что он сейчас стоит, Мур отвечает, что он действительно не может доказать, что он не спит. И тем не ме-

¹⁴ Ibid. P. 24.

¹⁵ Соса несколько иначе описывает стратегию Мура, но он так же, как и Стролл, называет ее «стратегией уклонения». См.: Sosa P. Op. cit. P. 425.

¹⁶ Moore G.E. Philosophical Papers. P. 226–251.

ДЖ.Э. МУР И ОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

нее, настаивает Мур, он знает, что он сейчас стоит. И в заключение добавляет, что его аргумент «я знаю, что я стою и поэтому я сейчас не сплю» *столь же* хорош, что и аргумент скептика «ты не знаешь, что ты не спишь, и поэтому ты не знаешь, что ты стоишь». Но аргумент Мура при этом *более* правдоподобен, чем аргумент скептика. Оба аргумента формально правильны, поэтому все зависит от того, какой из двух мы выберем. И нам не остается ничего иного, как выбрать ту точку зрения, в пользу которой у нас больше свидетельств, т.е. оснований верить.

Но в чем тогда смысл того доказательства, которое Мур все-таки выдвинул несколько лет спустя¹⁷? Говорит ли это о неэффективности стратегии уклонения? Или «доказательство» следует понимать лишь как иллюстрацию к этой стратегии? Позднее Мур утверждал, что и не собиравшись опровергать философский скептицизм относительно нашего знания о существовании мира, поскольку это означало бы объяснить, как и откуда мы это знаем, т.е. приступить к анализу значения одного из суждений здравого смысла. Для этого, как того и требует скептик, необходимо было бы выйти за рамки здравого смысла, что, как считает Мур, невозможно. Правильный анализ суждений здравого смысла чрезвычайно затруднен, и еще никто не справился с этой задачей. Впрочем, в этом нет никакой необходимости, поскольку любой анализ возможен только на основе предварительного понимания и принятия суждений здравого смысла как отправных точек нашего мышления¹⁸. Можно сказать, что Мур предлагает доказательство существования мира, *оставаясь* в пределах самого этого мира и, разумеется, здравого смысла. Поэтому нет необходимости доказывать то, о чем мы и так уже достоверно знаем (существование мира), – это вполне соответствует описанной выше стратегии уклонения¹⁹.

¹⁷ Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: избранные тексты. М., 1993, С. 66–84.

¹⁸ Мур Дж. Э. Защита здравого смысла. С. 134.

¹⁹ Тем не менее многие комментаторы проигнорировали это различие между доказательством существования мира и доказательством нашего знания об этом существовании (см., например: *Strawson P.F. Skepticism and Naturalism: Some Varieties.* L. : Methuen, 1985; *Stroud B. The Significance of Philosophical Scepticism.* Oxford : Oxford University Press, 1984; *McGinn M. Sense and Certainty.* Oxford : Oxford University Press, 1989, и др). Поэтому они расценили его доказательство именно как принятие им правил игры скептика. В таком свете вся аргументация Мура действительно выглядит слишком прямолинейной. Хотя сам Мур не раз подчеркивал это различие: «Я уже несколько раз проводил различие между двумя разными суждениями, которые утверждают философы, а именно, между (1) суждением “материальные вещи не существуют” и (2) суждением “никто достоверно не знает, что существуют материальные вещи”. В моей последней лекции в Британской академии, названной “Доказательство внешнего мира”... я пытался показать, что ложность одного из этих суждений может быть доказана следующим образом: поднять (вы поднимаете) руку и сказать: “Эта рука является материальной вещью, следовательно, существует по крайней мере одна материальная вещь”. Но относительно второго из этих суждений... не думаю, что я когда либо пытался показать, что его ложность может быть доказана подобным образом...» (*Moore G.E. Reply to My Critics // The Philosophy of G.E. Moore; P.A. Schilpp (ed.). Evanston ILL : Northwestern University Press, 1942. P. 668).*

5. Возражение, которое сразу напрашивается в связи с таким пониманием стратегии Мура, заключается в том, что, во-первых, пресловутая фигура скептика давно уже не подразумевает (по крайней мере, с необходимостью) какого-то конкретного человека, пусть даже и воображаемого. Все аргументы, которые Мур выдвигает в защиту здравого смысла, он должен выдвигать самому себе. Во-вторых, безопасность знания (та самая «ничья»), которой Мур добивается, заявляя, что недостатков или нет, или что они не опасны, оказывается не более чем самоутешением. Действительно, многие философы могут объявить эту «ничью» победой скептика, указав на то, что именно эпистемологической ничьей он и добивался. Если возможность ложности суждений здравого смысла сохраняется, то скептику большего и не нужно и никакая правдоподобность ему не помеха. К тому же ссылаться на сложность анализа значений суждений здравого смысла и источников их истинности скорее похоже на уклонение от проблемы. А вот отсутствие необходимости это делать еще нужно обосновать. Томас Нагель сравнивает Мура с человеком, который вместо того чтобы преодолеть пропасть поворачивается к ней спиной и объявляет, что он уже на той стороне²⁰.

Барри Страуд также считает, что Мур просто не понял философского вопроса скептика. Этот вопрос – *внешний* по отношению к миру и нашему знанию о нем, а не внутренний и обычный. Страуд приводит в пример детективную историю. В загородном доме убит молодой герцог. Преступление расследует известный детектив и его молодой и менее опытный помощник. Секретарь герцога передает им список всех, кто был в доме во время убийства. Молодой помощник тщательно ведет расследование, исключая из списка подозреваемых одного за другим, пока в нем не остается только дворецкий, на которого и падает подозрение. Он заявляет детективу, что знает, кто убил герцога – это дворецкий. На это детектив отвечает, что они все еще не знают, кто убийца, поскольку список, которым руководствовался помощник, получен от секретаря и в нем может отсутствовать имя того, кто также мог оказаться в доме и совершить преступление. В такой ситуации глупо настаивать на своем, утверждая «нет, мы знаем», потому что действительно знать мы можем, только если не ограничены списком. По-настоящему мы будем знать, только зная об адекватности реальному положению вещей самого списка в целом, т.е., так сказать, извне и независимо от него – с объективной точки зрения.

Мур, полагает Страуд, поступает как молодой помощник, демонстрируя свои руки в качестве доказательства существования мира. Знание о существовании своих рук входит в «список» того знания, ко-

²⁰ Nagel T. The View from Nowhere. Oxford : Oxford University Press, P. 69. Отчасти это так, но при условии, что Мур действительно признает наличие скептической проблемы. Витгенштейн, например, скорее всего ответил бы, что не существует никакой пропасти.

ДЖ.Э. МУР И ОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

торое еще только предстоит оценить с точки зрения его адекватности и объективности²¹. Ликан, тем не менее, на это справедливо возражает, что этот пример бьет мимо цели. Для того чтобы понять, что список может быть неполным или что он вообще может не соответствовать действительности, не обязательно быть философом. Возможность, на которую указывает детектив, является *обычной*.

6. Томпсон Кларк в статье «Наследие скептицизма» предложил такое прочтение позиции Мура, которое во многом дополняет и подкрепляет описанную выше стратегию уклонения, нейтрализуя тем самым критику «новых скептиков» Страуда и Нагеля²². Прежде всего Кларк отводит упрек Муру (о котором говорилось в самом начале статьи) в том, что его суждения (и в целом защита) здравого смысла нелегитимны с точки зрения самого этого здравого смысла, понимаемого уже не как набор общих трюизмов и аксиом повседневной жизни, а как совокупность повседневных практик словоупотребления.

Действительно, для некоторых философов оппозиция легитимного и нелегитимного в отношении философских проблем управляется менее очевидной оппозицией обычного и необычного с точки зрения повседневной жизни. Именно в силу своей необычности для повседневной жизни многие, если не все, философские суждения (как за, так и против здравого смысла) лишены какого-либо эпистемического содержания. Здравый смысл определяет область обычного – это наша повседневная жизнь, в контексте которой мы ставим обычные вопросы, даем обычные ответы, выносим обычные суждения. В этой области знание часто не требует аргументированных доказательств, либо такие доказательства (если потребуется) можно в принципе найти (в том числе и в ходе научных поисков). Однако сомнения и гипотезы скептика, если сформулировать их в рамках повседневных контекстов, будут выглядеть весьма необычно, поскольку они невосприимчивы к обычным доказательствам и способам разрешения сомнений. Но в таком случае они не несут никакой угрозы нашему обычному (повседневному) знанию. Необычность – это признак концептуального злоупотребления ради создания некой иллюзии объяснения, которая в конечном счете приводит к бессмыслице и абсурду. Эти же упреки были адресованы и Муру²³. Они заключались в том, что его суждения здравого смысла так же оторваны от повседневных контекстов, как и сомнения скептика, и поэтому не являются обычными. Обычные утверждения о знании в обычных повседневных контекстах служат для передачи какой-либо информации. Поэтому если они и восприимчивы к каким-то сомнениям, то именно к обычным, а не фи-

²¹ *Stroud B.* Op. cit. P. 108, 111.

²² *Clarke T.* The Legacy of Skepticism // *Journal of Philosophy.* 1972. № 64 (20). P. 754–769.

²³ См.: *Малкольм Н.* Указ. соч.

лософским. Муровские же суждения здравого смысла никакой конкретной, практической информации не несут, они являются всего-навсего общими констатациями чего-то, что всем и так давно известно. Мур защищает именно максимально общие метасуждения, которые свободны от любых контекстуальных рамок и ограничений. Эти суждения, отмечает Кларк, имеют особый логический статус и являются второпорядковыми по отношению к первопорядковым обычным суждениям. Так, первопорядковое суждение «Я знаю, что на пороге у соседа стоят две бутылки молока» уже предполагает среди прочего метасуждение «Я знаю, что существуют материальные предметы». Но в каком обычном контексте, для передачи какой информации и с какой целью может служить второе суждение?

Ссылаясь на Грайса и на проведенное им различие между буквальным значением утверждения и подразумеваемым (импликатура), Кларк замечает, что странность и необычность утверждения еще не означает его бессмысленности. Более того, максимально общие и свободные от практических контекстов суждения Мура являются такими же обычными (и первопорядковыми), как и любые другие обычные суждения в повседневных обстоятельствах – они также защищены от сомнений скептика, поскольку у них такое же *обычное* значение. Действительно, контекстуальная привязанность, несомненно, имеет большое значение для понимания высказываний, но вовсе не то, на котором настаивают оппоненты Мура. Наличие контекстуальных признаков просто-напросто определяет степень нашей свободы в вынесении тех или иных суждений или в их понимании: чем больше признаков, чем больше суждение привязано к контексту, тем меньше у нас свободы. Полную свободу от контекста, конечно, можно рассматривать как признак того, что суждение имеет «философский» характер, хотя оно может выглядеть весьма догматичным. Но с равным успехом оно может быть и обычным, находясь в полном соответствии со здравым смыслом, который в этом случае будет максимально обобщенным, абстрактным контекстом. Не все контексты, в которых выносятся суждения, нацелены на запрос, получение и передачу информации, короче говоря, на нетавтологический прирост знания. Можно представить такие контексты, в которых тавтологическая констатация знания вовсе не будет выглядеть странной и неуместной. Кларк приводит следующий пример.

Представим себе физиолога, который, читая лекцию о психических расстройствах, заявляет: *«Каждый из нас, будучи нормальным, знает, что он сейчас бодрствует, а не спит или галлюцинирует, что за пределами его сознания существует реальный мир, который он сейчас воспринимает, что в этом мире есть трехмерные одушевленные и неодушевленные тела различных форм и размеров...»* В отличие от него люди, страдающие определенными психическими расстройствами, считают, что то, что мы называем реальным миром, является их воображаемым творением.

ДЖ.Э. МУР И ОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

Выделенные курсивом суждения обладают обычным (а не философским) значением и являются, как их называет Кларк, *вербальными двойниками* суждений здравого смысла. Обычный контекст и значение этих суждений (двойников) делают их невосприимчивыми к сомнениям скептика и защищенными от них. Однако если допустить, что Мур, перечисляя свои суждения здравого смысла, совершенно не собиравшись сообщить нам что-то новое, а составлял этот список, например, просто для себя, то нам остается только подобрать обычный возможный контекст для этого действия «для себя». Например, если «люди, увы, должны покинуть Землю, но желают оставить после себя временную капсулу с полным списком человеческих знаний бог знает для кого», то в этот список будут входить и муровские суждения здравого смысла и суждения физиолога²⁴. В этом случае граница между суждениями Мура и их вербальными двойниками просто исчезнет. Поэтому суждения здравого смысла надо понимать как обычные, а не как философские. Мур говорит об обычном, а не о философском здравом смысле. И защищает он вовсе не философскую *концепцию* здравого смысла, иначе это означало бы, как уже было сказано, претензию на выход за рамки обычного. Но для Мура, этого «обычного человека до мозга костей... *нет ничего* вне сферы обычного». При этом обычное не сводится только к привычному и рутинному: обычное – это мир, в котором мы живем²⁵.

В то же время не только суждения здравого смысла, но и философские сомнения скептика («можем ли мы вообще знать, что мы сейчас не спим?») оказываются двусмысленными, поскольку у них также есть вербальные двойники в рамках обычного. Кларк приводит пример обычного контекста для философского вопроса скептика.

Представим себе ученого, который экспериментирует на себе как на подопытной свинке, используя снотворное. Он находится в маленькой комнате и старательно ведет записи. Эксперимент № 1. «13.00. Принял *x* дозу лекарства *Z*... 13.15. Начинаю чувствовать сонливость. Не могу сосредоточиться... 18.15. Я только что спал, но теперь бодрствую, чувствую себя нормально. Я, конечно, *знаю, что я сейчас не сплю*, однако я помню, что пока я спал, я думал, что на самом деле бодрствую. Мне снилось, что, будучи ребенком, я живу со своими родителями (которые уже два года как умерли). Это “переживание” казалось очень достоверным. Сразу после того, как я проснулся, я не мог поверить, что только что спал»²⁶.

²⁴ Clarke T. Op. cit. P. 756.

²⁵ Можно сказать, что мир, существование которого Мур столь странно, как многим может показаться, «доказывал», ближе скорее к «жизненному миру» герменевтики и феноменологии и не является просто «совокупностью внешних моему сознанию объектов».

²⁶ Clarke T. Op. cit. P. 758.

Основная аргументация Кларка в этой статье направлена на то, чтобы показать, что в необычных сомнениях скептика кроется немало обычного. Иными словами, не так-то просто показать, как можно выйти за пределы этого обычного. Случай Мура в этом смысле особенно показателен, поскольку «он не философ среди философов, а обычный человек среди философов: он выводит нас из нашей башни из слоновой кости, возвращает нас, размышляющих бесплотных существ к нашему земному существованию, ставя перед обычностью того, во что мы верим как обычные люди»²⁷. Итак, скептику надо еще доказать, что есть нечто помимо обычного и что муровский список трюизмов здравого смысла – это именно философская *концепция* здравого смысла, выходящая за пределы обычного. Ссылка на то, что если Мур и вообще любой человек понимают, о чем спрашивает скептик, то, следовательно, обладают интуицией пределов обычного (в духе повседневной метафизики «новых скептиков»), вряд ли поможет. На апелляцию к интуитивной очевидности скептических гипотез (в противовес спекулятивным и искусственным попыткам их теоретического опровержения) можно ответить, что мы точно так же можем понимать и чужие ошибки, в том числе и те, которые кажутся кому-то интуитивно очевидными и бесспорными истинами.

7. Лайкан называет позицию Мура минималистичной. Действительно, есть все основания интерпретировать Мура в духе эпистемологического минимализма. Саймон Блэкберн в своей рецензии на книгу Нагеля похожим образом описывает спор реалиста со скептиком и релятивистом²⁸. Спор, по его мнению, проходит всецело в минималистичном поле, в котором существуют только первопорядковые утверждения. Однако попытки этих философов ввести утверждения второго порядка являются не более чем «ритуальными метакомментариями», т.е. их собственными первопорядковыми утверждениями, которые, как правило, менее надежны, чем обычные и базовые достоверности, которым их противопоставляют. Блэкберн приводит в пример так называемую лестницу Рамсея. По этой «лестнице» мы переходим от «*p*» к «истинно, что *p*», далее к «действительно истинно, что *p*», потом к «действительно, это факт, что истинно, что *p*» и, наконец, к «действительно, это факт независимого порядка вещей, предписанного платоновскими (или, если угодно, трансцендентальными) нормативными структурами, с которыми мы находимся в гармонии, что истинно, что *p*». Для метатеоретического минималиста, утверждает Блэкберн, лестница Рамсея будет горизонтальной – взгляд сверху будет таким же, что и взгляд снизу, т.е. «что *p*». В таком

²⁷ Ibid.

²⁸ Blackburn S. Review of the Last Word by Thomas Nagel // The Philosophical Review. 1998. Vol. 107, № 4. P. 653–656; см. также: Blackburn S. Ruling Passions: A Theory of Practical Reasoning. Oxford, 1998. P. 286–298.

ДЖ.Э. МУР И ОБЫЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

случае, если я утверждаю нечто, а релятивист отвечает, что «это только для вас», то минималист будет рассматривать его слова лишь как первопорядковое утверждение: «это только для вас» будет противопоставлено чему-то лучшему, например, в этическом, математическом или научном плане. Муровские суждения здравого смысла – это и сеть первопорядковые метакомментарии, не более того. Реалист же, в том числе и Нагель, а также скептик и релятивист пытаются воспользоваться горизонтальным положением «лестницы» для того, чтобы, встав на одну из ее сторон, объявить, что они поднялись по ней наверх, на метауровень и обозревают все как бы *извне*. Предполагаемую победу в споре на минимальном («горизонтальном») уровне они хотят выдать за победу на метауровне. Иначе говоря, Блэкберн здесь как бы возвращает Нагелю его упрек Муру в том, что тот избегает решения проблемы.

В заключение можно сказать, что если мы действительно не можем и не должны пытаться выйти за пределы обычного мира и даже искать эти пределы, поскольку являемся его частью, а существуют только меняющиеся границы нашего понимания этого мира, то это позволяет несколько иначе взглянуть на то определение цели философии, которое Мур дает в самом начале своих лекций: «Дать самое общее описание *всего* универсума, включая наиболее важные виды вещей в нем, о которых мы *знаем*, учитывая при этом и возможность существования в нем таких важных вещей, о которых мы абсолютно ничего *не знаем*, а также те наиболее важные отношения, которые существуют между этими вещами»²⁹. Уилфрид Селларс выразил эту мысль чуть более кратко: понять как вещи в самом широком смысле этого слова связаны друг с другом в самом широком смысле этого слова³⁰.

²⁹ Moore G.E. Some Main Problems of Philosophy. P. 1.

³⁰ Sellars W. Philosophy and the Scientific Image of Man // W. Sellars. Science, Perception and Reality. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd; N.Y.: The Humanities Press, 1963. P. 1.